

Л.Ю. ПАРАМОНОВА
(г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1.1 (Бальмонт Д.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,445

ЛИТУРГИЯ КРАСОТЫ В ПОЭЗИИ К.Д. БАЛЬМОНТА

Аннотация. В данной статье рассматривается поэма Бальмонта «Фата Моргана» как наиболее показательное произведение для рассмотрения особенностей цветового символизма автора. В ней приведен не только полный анализ всех символов произведения (цветов – камней – растений), но и проведен фоносемантический анализ нескольких стихотворений, что позволяет проследить использование цвета поэтом на разных уровнях текста.

Ключевые слова: Бальмонт, Фата Моргана, цвет, символ, Солнце, мифология.

«Фата Моргана» – своеобразная поэма цветовосприятия, наиболее характерно отражающая цветовую мифологию Бальмонта. Эта поэма (или цикл стихотворений: чётких жанровых границ тут нет) входит в сборник поэта «Литургия красоты». Основная тематика книги – воспевание красоты мира, её отражение в душе поэта. «Фата Моргана», в свою очередь, как часть этой книги, воспевает красоту, неповторимость и уникальность красок и цветов природы. Поэма состоит из 21 стихотворения, каждое из которых представляет собой характеристику того или иного цвета в поэтическом мировосприятии Бальмонта. Он углубляет понятие цвета, приводит ассоциативные ряды, связанные с природной стихией. Для творчества Бальмонта этот цикл является немаловажным. Бальмонт писал: «В своей поэме «Фата Моргана» я попытался свести в художественное целое свои ощущения от различных красок» [Бальмонт 1992: 195]. В данной статье мы рассмотрим своеобразие семантики цвета в творчестве Бальмонта, наиболее ярко выраженной именно в поэме «Фата Моргана».

1905 – год выхода в печать книги «Литургия красоты» – для самого Бальмонта был годом возвращения домой после трёхлетнего отсутствия. Поэт ездил по странам, с 1902 г. он побывал в США, практически во всех городах Европы, в Мексике. Именно тогда и собираются им яркие впечатления для воспевания жизни и мира. Красота для поэта – и цель, и смысл жизни. Главный философский принцип – мимолётность. И эти два тезиса находят своё отражение в поэме «Фата Моргана».

В Италии существует предание: Fata Morgana – фея Моргана – живёт на морском дне и обманывает путешественников призрачными

ложными видениями. Фата Морганой называют редко встречающееся оптическое явление в атмосфере, состоящее из нескольких миражей, когда отдалённые предметы видны искажённо, раздвоенно или несколько изображений накладываются друг на друга. В поэтической же символике фата моргана – это мираж, видение, прекрасная мечта. Здесь – характерная черта поэзии Бальмонта, поэзии мига. Человек и природа существуют только мгновение, как мираж, но именно в нём – вся сила и источник жизни.

Бальмонт в своей статье «Любовь и ненависть» [Бальмонт 1911] писал: «Влияние каждого отдельного цвета на возникновение отдельных, совершенно определённых душевных состояний есть факт несомненный...» и указывал свои личные ощущения, вызываемые каждым из главных цветов спектра: «Ярко-красный цвет и золотисто-жёлтый вызывают во мне ликующую радость жизни, причём алый тревожит, а золотистый умиротворяет в волнении. Зелёный цвет доставляет тихую радость, счастье длительное. Голубой – вызывает уходящую мечтательность. Тёмно-синий подавляет. Лиловый производит гнетущее впечатление, и даже светло-лиловый связан с чем-то зловещим. Белый и чёрный производят однородное впечатление – изысканной красоты, благородства и стройности. Их одежда различна, а душа одна...» [Бальмонт 1992: 429]

Фата Моргана – и есть комплекс тех психологических состояний, вызываемых у поэта тем или иным цветом. Бальмонт располагает цвета в поэме, как в спектре, уделяя одному цвету по несколько стихотворений, он приводит его в смешениях, в оттенках, как на палитре художника, тем более расширяя круг значений и ассоциативных связей.

Он уподобляет цвета стихиям, цветам, камням, звукам музыки, природы, чувствам человека. Всё это, собираясь вместе, даёт яркий слепок вселенной автора, его мифа о мире. Поэма звучит как гимн красоте, миру в его цвете и великолепии.

Теперь рассмотрим особенности каждого цвета.

Красный. Красным цветом открывается поэма Бальмонта. Красный – первый цвет спектра, радуги, один из трёх основных цветов. Цвет агрессивный, яркий, активный. У Бальмонта он тоже символизирует воплощение жизни, горения. «*О, кровь, много таинств ты знаешь!*» – восклицает поэт. Центральный образ в стихах о красном цвете – кровь и страсть. Красный – это кровь, мечта, красота, «*красочный намёк*», «*безгласно-цветочные крики*». Поэт словно играет со звуками, подбирая слова, близко звучащие, созвучные со словом «красный»: капли крови, розы, страстность, альков. Это и влюблённость, ослеплённость красотой, и юность «*страстная, желающая ласк*», и упоение

любовью. Не менее важную окраску несут на себе цветы и камни, символизирующие этот цвет: «*Кораллы, рубины, гранаты...*»

В минералогии камни красного цвета – это воплощение энергии, страсти, движения, символы Марса, воинствующего и сильного. Гранат сам по себе вбирает в себя всю семантику своего цвета – в Древнем Египте он считался камнем жизни, приносящим счастье, рождающим сильные страсти, подобно рубину, олицетворяющему пышную и страстную любовь. Читаем у Бальмонта: «*и любишь опять горячо красоту*», «*капли алые крови живой*», «*красный цвет – горячий цвет*». Даже Солнце в семантике красного – опьянённое, всё словно во сне, в огне: здесь же «*капли крови в гвоздике*». Гвоздика – цветок французской революции, знак любви и преданности. И снова смысловые оттенки: горение, кровь, бои, благочестие; розы – как символ страсти, любви, пожара в душе:

*Я хочу и не смею
Сорвать эту розу, сорвать и познать упоенье,
Любовь.*

Оттенками красного выступают **розовый** и предрассветно-лиловый, алый. В нём у Бальмонта ещё сквозит мотив красного, но он словно лишь предвосхищает тот пожар страсти. Розовый – это юность, какие-то первые чувства, чистота и непорочность. Это и «*румянец яблока*», и «*румянец девушки, когда горит заря*». И за ним, этим розовым, пробивается уже пламя Огня, крови и Солнца: «*Горицветный, жёлтый, красный*». Красный – страсть, жёлтый – цветы, Солнце, и всё это вместе даёт огонь, пламя, живительное и очистительное. Но огонь может и сжигать, ранить: «*Лепестки горицвета, оранжево-огненно-красные...*». Горицвет – цветок, символизирующий грустные воспоминания о прошлом, об ушедших прелестях жизни. Это символ страсти, разгула жизни, но всему рано или поздно приходит конец:

*Веселимся, пьанемся мы, любимся, жаркие, страстные, –
Темный отстой неразлучен со дном [Бальмонт 1992: 197].*

Жёлтый. Это, несомненно, цвет Солнца, радости и весны у Бальмонта – «*ликующая радость жизни*». Это цвет звёзд, первых весенних цветов, это «*подсолнечник, цветок из Перу*». Хотя опять же подсолнечник несёт двойную семантику – это и цветок счастья, солнечной доброй энергии – и символ обманутого ожидания, даже траура. Но в контексте бальмонтовского мироощущения – жизнерадостного,

лёгкого – отрицательный план стирается. Вообще жёлтый у него есть символ жизни во всей её яркости, многоцветности. Желтый – второй основной цвет «троичности цветов» после красного, это цвет природы и её благоухания – «жёлтый мёд», «вешняя трава», «голубые взоры детства золотого»... Жёлтый и золотой сплетаются у Бальмонта воедино – цвета дня, солнца, они существуют в природе независимо от времени года, присутствуют в жизни каждый день и час: «Лютик золотистый // Луч, и шелк цветистый», «светлый сон невест», «колос», «вечер позлащенный». Лютик – символ свидания, колос – изобилия жизни; от начала и до конца, от зарождения до вечера жизни везде – как символ радости и полноты бытия — жёлтый и золотой. Жизнь, освещённая солнцем. И даже в смерти, в старости, в увядании не угасает эта краска. Бальмонт выделяет особый цвет – прощально-золотистый. И в нём – «тихий шелест сентября, улетающие птицы», «праздник Солнца золотого». Вроде бы прощание, но это не грусть, это «роскошь ярких угасаний, траур лета и весны». Жёлтый клён, как выражение прошлого, отзвеневшего, но выражает не печаль, а «праздник пышный янтаря». Янтарь – символ счастья, возрождения. Даже сквозь смерть и угасание слышится весёлая песня жизни – «умильный свист синицы». Да и самого понятия смерти нет, это праздник Осени, которая отшумит, но возродится снова, как из янтаря извлекают маленьких насекомых, переживших много веков и вновь увидевших свет. Таково восприятие жёлтого у Бальмонта. Это вечный, вездесущий цвет, символ радости жизни и полноты бытия.

Зелёный – следующий цвет радужного спектра, цвет жизни. У Бальмонта – цвет Земли, нашей планеты, о которой сказано: «Звезда, на которой сквозь небо мерцает трава». Зелёный – символ природы: трава, бирюзовые поля, остров. Но зелёный связывается у него и с человеческими страстями. «Влюблённые смотрят на остров в небесных пустынях, в их снах изумрудно...» – здесь изумруд предстаёт как символ покоя, беспечности, отдыха для души, возвращения на лоно природы. Этот зелёный цвет как искупление любовью, «водный свет», «воздушный цвет зелёных глаз». Зелёный вбирает в себя все стихии, как и жизнь вообще, в нём есть вода, огонь и воздух, и в финале этот цвет оборачивается миром, обращается в «изумрудную планету». Он всеобъемлющ, наряду с жёлтым. Только, в отличие от него, зелёный – цвет земной, жёлтый же – небесный: звёздно-солнечный.

Особое место Бальмонт уделяет **голубому** цвету. Он не помещает его после зелёного, как обычно бывает в радуге, он даже не посвящает ему отдельного стихотворения. Нет, голубой выступает вначале в триединстве с жёлтым и красным, как третий основной цвет палитры ху-

дожника. Голубой даётся поэтом в сопоставлении с двумя этими красками как противоположный им, иной по своему значению и звучанию. Бальмонт даёт ему следующие характеристики: «голубой – холодный», «в нём спокойный вечный вид, вечность не обманет», а также: «О покорности Судьбе // Голубой вещает» [Бальмонт 1992: 197].

Вспомним слова самого поэта о том, что голубой вызывает уходящую мечтательность. Здесь он предстаёт спокойным: голубой – как небо, в котором рождается солнце, как вода, укрощающая огонь, как кислород, необходимый для жизни. Это голубые сны, голубые очи, сказка, ласка, забывка. Голубой как вечная истина, спокойствие и надежда. Голубая забывка – символ верной любви, памяти. Голубым дышит сама жизнь. Он подготавливает нас к синему.

Синий у Бальмонта стоит на «своём» месте. И, несмотря на заявления поэта в статье «Любовь и ненависть», что тёмно-синий подавляет, в поэме цвет предстаёт совсем в другом, космическом аспекте. Здесь синий трактуется как цвет веры, надежды, какой-то высшей гармонии. Это простор, но простор не гнетущий, а «бесчисленность различно-светлых звёзд». Бальмонт создаёт образ сапфирной пустыни, над которой простирается мост в рай, в Эдем. Сапфир символизирует небесное блаженство, верность и скромность, и небесные пути в рай окрашены у него в синий. «Синий цвет – небесный цвет», – говорит поэт. Он указывает, что всё синее обещает достижение желаний: «Дойдешь», – тебе вещает лён». Лён прочитывается как символ дороги и постоянства, образ васильков в стихотворении воплощает простоту, нежность. Всё это по крупницам слагает образ синего цвета – постоянный, верный, космический, но простой и близкий, вселяющий веру и ведущий к высшим ступеням духовного пути: «... душою ощущается в Эдем ведущий мост». Сапфир, по своей символике, является наиболее «духовным» из всех камней, перенося это своё значение и на синий цвет в восприятии поэта.

Следующий – переход к нежно-лиловому и **фиолетовому**. Нежно-лиловый, ещё не фиолетовый, ещё не насыщенный – сиреневый туман. Бальмонт создаёт образ этого цвета, нанизывая ассоциации одну за другой. «Колокольчик на опушке леса» – вводит тему постоянства, радости, какой-то сказочности: колокольчик с нежными звонами, феи, лиловые орхидеи создают впечатление доброй сказки. Тут же звучит музыка: «в лепете романса» появляется цвет сирени – символа первой любви, «сад мечты» и аметист – камень скромности, душевного спокойствия, символ влюблённых. Таким образом, складывается картина идиллического покоя, равновесия, реальности, граничащей со сказкой. Мир в сиреновом дурмане, но этот дурман опьяняющей

влюблённости и музыки несёт добро и свет, что ещё раз подтверждает бальмонтовскую концепцию жизнелюбия. С переходом сиреневого в фиолетовый ситуация несколько меняется.

Фиолетовый у Бальмонта уносит в небесные дали, отгораживает от всего мира. Звучит мотив сна: поэт собирает синие лепестки, сны застывают в аметисты, а в вышине распускаются фиалки. Бальмонт не раз подчёркивает иллюзорность, погружённость в сон фиолетового цвета: «*снов застывших*», «*в призрачной картине*», «*в сновидении*». Фиалки – цветы ночи, смерти и печали, с другой стороны – символ скромности и невинности. Фиалками украшали в древности могилы молодых, безвременно ушедших девушек. И у Бальмонта мы видим «*белый храм весталок*». Покой беспредельный, их не тревожит мирская суэта, «*взор фиалковых очей*» отражает бездонность, и только ночь им покровитель. Фиолетовый здесь – уход в себя, углубление, покров ночи и стремление достигнуть какого-либо совершенного предела «*в лесной пустыне Бытия*». Фиолетовый выступает у Бальмонта крайним пределом синего, накалом страстей и, в то же время, пиком отрешённости и ухода вглубь себя. Жизнь почти уравнена со сном.

Казалось бы, предел достигнут, цветовой спектр пройден, круг человеческих чувств охвачен, но поэт выделяет ещё два цвета – белый и чёрный, разбивая первый ещё на несколько оттенков.

Итак, *белый* у Бальмонта начинается с *хрустально-серебристого*. Этот цвет словно отделяется от земли, улетает вдалёку от затворничества фиолетового, он где-то в высших сферах, «*в свете лунном*». Этот мир пронзён музыкой – звуки лютни, «*слёзы флейты звуковые*», причём флейта вносит голубой оттенок в эту серебристую сказку. (Бальмонт в статье «Светозвук и симфония Скрябина» указывает, что звуки флейты окрашены в зорево-голубой оттенок). Опять присутствует мотив сна, зеркал, «*призрак ангелов, их крылий*» – мир наполняется сказочно-божественными образами, хрустальными звонами, мелодиями, шуршанием крыльев ангелов. Фантастический поэтический мир дополняют «*сон царевны в лунной саге*» и образы «*сонных лилий*». Образ лилии как символ невинности и чистоты можно истолковать и иначе: лилия – цветок Пресвятой Девы, но может выступать и знаком мести, наряду со знаком прощения и искупления грехов. Хрустальные мотивы также связаны с различными таинствами, загадочными силами.

Опалово-зимний развивает те же мотивы белого цвета, беломолочного, прозрачного. Опал символизирует надежду и переменчивость судьбы. Бальмонт продолжает мотив сказки, вплетая в него карнавальные сюжеты. Опаловый – это серп Луны, «*кружевом на всем* –

воздушный иней». Появляются замок «*духов серебристых*», «*сонмы фей*», «*танец блёсток*» и бал снежинок: здесь белый как вихрь, метель, сказка; но не спокойная, ровная, а будоражащая, волнующая, вихрь жизни со всеми её чудесами.

И, наконец, собственно **белый**. Сама жизнь и сама смерть. Начало и конец. Жизнь и вечность. Образ Нарцисса, живущий в понятии белого цвета. Жизнь во всех её ипостасях. Любовь до смерти и самовлюблённость, «*загадка жизни, отражение, венчальный саван*». В белом воплощена вся жизнь, вся гамма цветов и бесцветие. И белый у Бальмонта приравнивается к чёрному: «Их одежда различна, а душа одна», – пишет он [Бальмонт 1990: 429]. Поэтому и **чёрный**, цвет, завершающий поэму «*Фата Моргана*», является цветом жизнеутверждающим, позитивным, что характерно только для поэзии Бальмонта. Не зря мир – литургия красоты, и всё в нём прекрасно. «*Мрак помощник прорастанию зерна*», – пишет Бальмонт, – «*В черной тьме биенье жизни*».

Все цвета собираются в чёрный и из чёрного же выходят. Это, подобно белому, первородный цвет. Чёрная земля, порождающая колос – залог изобилия, дающая жизнь, рождающая. Огонь порожден чёрным углем. И даже «*мировой цветок*» Солнца набирает силы в глубине ночных морей, во мраке, чтобы выйти и засиять «*ярче самых пышных роз*».

Таким образом, по Бальмонту, все цвета входят в жизнь, они создают Красоту и Гармонию в мире, они не могут нести негатив в мир, потому что рождены самой природой. Каждый цвет воплощён в каком-либо цветке, камне, природном явлении, времени года, каждый цвет окрашивает определённые чувства человека. И каждый цвет мгновоуен в своём цветении, он вспыхивает и исчезает, многократно отражаясь во времени, в сердцах людей, он оставляет там яркие вспышки и гаснет. «*Фата Моргана*» – поэма о красоте мира, красоте жизни, красоте чувств и явлений, которые проносятся перед нами и исчезают, как видения, и которые мы должны сохранить в памяти.

Посмотрим теперь эти же стихотворения с точки зрения цвето-звуковой окрашенности стиха на фонетическом уровне. Сначала обратимся к самому главному цвету в спектре Бальмонта, цвету солнца – жёлтому.

Жёлтый у поэта – цвет радости жизни, упоенья ею, цвет ликования, яркого дня и, главное, цвет, наполненный положительной энергией, позитивным, жизнеутверждающим звучанием. Какой же оттенок несёт на себе это стихотворение на фонетическом уровне?

Составим таблицу ударных звуков:

СпрошУ ли Ум, в чем жЁлтый цвЕт,
 ДушА сейчАс поЁт отвЕт,
 Я вИжу крУг, сияньЕ, сфЕру,
 Не зОлото, не блЕск егО,
 Не Эту тЯжкую химЕру,
 Что нЫне стАла – вЕществО
 Для унижЕнья моего,
 О, нЕт, инОе торжествО: —
 ПодсОлнечник, цветОк из ПЕру,
 Где знАли, как лазУрь очЕй
 НежнА от сОлнечных лучЕй.

Заметно превалируют ударные Е и О (11 [jэ] и 13 [о], [jo] из 37 ударных гласных), кроме того, на уровне общего количества гласных в стихотворении эти же звуки оказываются наиболее частотными в словах: подсолнечник, поёт, ответ, вещество, торжество, очей, солнечных...

Бальмонт определяет эти звуки так: О у него — звук восторга, пространства, простора, всё огромное, ясное, явное, яркое. Е и Ё — это «золотые блёстки песчинок», что-то лёгкое, краткое, мёд, лён.

Эти значения звуков напрямую пересекаются с образами стихотворения — сиянье, золото, блеск, цветок из Перу, солнечные лучи. Что-то пронизанное светом, прозрачное, янтарное, как мёд, лёгкое, как воздух, О — это пространство, заполненное солнцем, солнечными лучами, сиянием, льющее свет извне.

Таким образом, Бальмонт и на звуковом уровне аккомпанирует тому цветку, о котором пишет. Если же посмотреть семантику этих звуков, приведенную в книге Ю.В. Казарина, то окажется, что О — жёлтый либо белый, Е — ярко-жёлтый или оранжевый [Казарин 2004: 286].

Обратимся к другому стихотворению, например, «Красный». Здесь очевидна доминанта звука [а]:

ВнутрИ, в лепесткАх,
 КАпли Алые крОви живОй,
 Юной, стрАстной, желАющей лАск.
 ЗнАю Я, кАк бесконЕчно-богАты устА,
 ПоцелУи, сблизЕнье, алькОв,
 КАк первоздАнно-богАты два ртА
 В краснорЕчьЕ без слОв.
 Я гляжУ и терЯюсь, робЕю,
 Я хочу и не смЕю
 СорвАть эту рОзу, сорвАть и познАть
 упоЕнье, любОвь.
 О крОвь, сколько тАинств и счАстий скривАешь ты,
 крОвь!

Значение А – Я в современной фоносемантике обычно обозначаются так: А – красный/чёрный; Я [ja] – ярко-красный/тёмно-красный [Казарин 2004: 286].

Бальмонт не придаёт однозначного цвета звуку А: он, по Бальмонту, весна, страсть, кровь, пламя, Ад и Рай, алмаз, опал, вся гамма красок, но на уровне образов в стихотворении можно проследить доминанту красного – это и цвет адского пламени, и горение страсти, и пылающее в любви сердце, и корАллы, гранАты – тоже красного цвета. Это и кровь, гвоздика, роза: сами звуки уже окрашивают стихотворение.

Третий основной цвет – синий. Это цвет верности, постоянства и надежды. Здесь не всё так единогласно. В общем, в стихотворении три доминирующих гласных звука: И–У–Е.

Пустынями эфирными, эфирными-сапфирными
Скитается бесчисленность различно-светлых звёзд...
Но синий цвет – небесный цвет, и грёзою ответною
Просящему сознанию даёт он ряд примет...
Примет лазурно-радостных нам в буднях много светится,
И пусть как море синее, дороги далеки...

Е, как уже говорилось, простор, необъятное пространство, что-то лёгкое, блёстки. Здесь – на фоне синего простора – [jэ] читается как звёзды в бездонном небе. У и И – в фоносемантике: тёмно-синий/фиолетовый и синий. У Бальмонта У – это шум, что-то грозное, как туча, как гул на морском берегу. И – взвихренная пучина, которая волнует, беспокоит, это вихрь, море – всё это тоже обыгрывает образ синего цвета. К тому же, если прислушаться к аллитерации в стихотворении «Синий», можно выделить наиболее частые звуки: Р–Л–Щ.

Бальмонт пишет:

«Ш–Щ – истинно природный звук, он – он в шелесте листьев, песне ветра, которая заполняет мировое пространство.

Р – горы, бури, пророчества...

Л – лепет волны, что-то влажное, нежное, влага, ласка» [Бальмонт 1990: 129].

Эти мотивы гор, пучины, волн подчёркивают «синий тон» стихотворения, но всё же в нём цветовая окрашенность не так однозначна, как в «Красном» и «Жёлтом».

Таким образом, можно сказать, что, создавая «Фату Моргану», Бальмонт хотел как можно наиболее полно отразить свои чувства, вызываемые тем или иным цветом. Он берёт один цвет и вмещает в него

весь мир, охватывает все его ипостаси, сконцентрировав их в одном кратком миге бытия. Поэт окрашивает свои стихотворения на всех уровнях – образном, контекстуальном и фоносемантическом. Через принятие цветов он выражает свое отношение к жизни, он поёт гимны красоте и гармонии. В его мире нет отрицательных эмоций, нет грубых, унылых тонов, это мир Солнца. И вся его поэзия – литургия красоты.

ЛИТЕРАТУРА

Бальмонт К.Д. Светлый час: стихотворения и переводы. – М.: Республика, 1992. – 589 с.

Бальмонт К.Д. Любовь и ненависть [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d.

Бальмонт К.Д. Солнечная пряжа: стихи, очерки / сост. предисл Н.В. Банникова. – М.: Детская литература, 1990. – 239 с.

Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.

Драгоценные камни как символ. [Электронный ресурс] // URL: <http://symbolsbook.ru/article.aspx?id=208>.

Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста. – Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 432 с.

Символика цветов. [Электронный ресурс] // URL: <http://lukor.e-gloryon.com/2755835085>.

© Парамонова Л.Ю., 2013